

Проф. П. А. Сорокинъ. — Система социологии. Т. I. Социальная аналитика: учение о строении простѣйшаго соц. явления. Петр. 1920, стр. XIV + 360. Т. II. Социальная аналитика: учение о строении сложныхъ социальныхъ агрегатовъ. Петр. 1921, стр. 9 + 463. Изд.—во „Колось“.

Авторъ прокладываетъ новые пути, отъ которыхъ до сихъ поръ уклонялись русскіе социологи. Эти послѣдніе шли до настоящаго времени по тремъ тропамъ: 1) гѣмецкой идеалистической философіи исторіи всѣхъ ея видовъ и періодовъ; 2) марксизма и 3) національно-русской «субъективно-критической» социологии. Въ противоположность извѣстному утверждению Н. К. Михайловакаго, что «исключительно объективный методъ въ социологии невозможенъ», Сорокинъ желаетъ сдѣлать социологию наукой чисто-теоретической, лишенной не только выше мною указанныхъ философско-политическихъ оболочекъ, но и всякихъ идейныхъ и нормативныхъ предпосылокъ, до сихъ поръ превращавшихъ все обществовѣдѣніе, а въ частности социологию, въ мысль, матерью которой является воля къ осуществленію той или иной идеи: права, истины, добра, социального рая и т. д. Мало того. Социология по Сорокину должна во имя объективности выбросить велическій психологическій субъективизмъ и въ основу положить явленія «предметныя», допускающія точное наблюдение. Но вмѣстѣ съ отрицаніемъ

психологическаго субъективизма авторъ пытается освободиться вообще отъ всякаго рода психологическихъ реальностей, какъ неизмѣримыхъ и неосознаваемыхъ. Всякая психология, по мнѣнію Сорокина, индивидуальна и постольку не въ состояніи выяснить междуличевѣчскія отношенія, коллективная же психология, поскольку она дѣйствительно изучаетъ чловѣческое взаимодействіе, сливается съ предметомъ социологии вообще (Т. I. стр. 20). Это заставляетъ Сорокина идти въ отрицаніи психологии такъ далеко, что за бортомъ социологии какъ науки должна для него оказаться не только русская социологическая школа Лаврова, Михайловакаго и Карѣва и новѣйшихъ ея послѣдователей, но и интерпсихическая теорія Тарда, теорія Болдина и стремленія къ научной точности и измѣренію теорій психофизики общества—Мюнстерберга или социальной психологии Гельпаха (ср., однако, оговорку на стр. 63, Т. I. о сведеніи пользованія психологическими терминами къ мнимому и тутъ же необоснованное отождествленіе психическаго съ сознательнымъ). На мѣсто этого авторъ пытается

выдвинуть объективное изучение взаимодействия людей. И, наконец, автор старательно ограждает себя от философского и теоретико-познавательного подхода к социологии, в частности от всякого рода монизма, в томъ числѣ и историческаго материализма съ его единственнымъ экономическимъ факторомъ. Авторъ опредѣленно примыкаетъ къ послѣдовательному социологическому плюрализму (Т. II, стр. 85 сл.).

Основнымъ предметомъ социологии служить не общество и не общеніе, а тѣ человѣческія взаимоотношенія, какъ явленія *sui generis*, которые «несводимы пока къ физико-химическимъ и биологическимъ взаимоотношеніямъ (Т. I, стр. 11). Всю социологию, какъ науку о взаимодействіи людей, Сорокинъ раздѣляетъ на : 1) социальную аналитику, изложещую въ разсматриваемыхъ двухъ томахъ, 2) социальную механику и 3) социальную геноетику. Вся «Система социологии» должна, по расчету автора, представить обширную работу, охватывающую «по меньшей мѣрѣ» восемь томовъ (стр. XII).

Авторъ, со своей анти-психологической точки зрѣнія послѣдовательно, отвергаетъ индивида въ качествѣ основной социальной клѣтки (стр. 78, Т. I.) въ социологии и выдвигаетъ, въ качествѣ модели социальной группы, «два или большее число индивидовъ, находящихся

между собою во взаимодействіи». Мы можемъ однако опредѣленно утверждать, что основная «клетка» социологии Сорокина не найдена, ибо нельзя же вмѣстѣ съ авторомъ принять за клетку самый процессъ взаимодействия, такъ какъ и само взаимодействіе есть нечто весьма сложное, включающее въ себя какъ статическіе, такъ и динамическіе элементы. Сложность эта вытекаетъ изъ собственнаго опредѣленія Сорокина: «явленіе взаимодействия состоитъ изъ трехъ элементовъ: индивидовъ, ихъ актовъ и проводниковъ» (стр. 193, Т. I). Въ дальнѣйшемъ авторъ останавливается на анализѣ трехъ элементовъ взаимодействия, при этомъ меньше всего вниманія онъ удѣляетъ индивидамъ, ибо здѣсь онъ неизбежно наталкивается на психологию. Интересно подраздѣленіе актовъ (дѣствий) и проводниковъ, впервые съ такой исчерпывающей полнотой разобранное въ русской социологической литературѣ. Останавливаясь на явленіи взаимодействия, какъ коллективнаго единства, Сорокинъ попутно даетъ интересную критику социального реализма и номинализма, сводящуюся къ установленію одинаковой непріемлемости обоихъ теченій: общество, отличное отъ простой суммы не взаимодействующихъ индивидовъ, существуетъ, но оно, вопреки реализму, существуетъ не «внѣ» индивидовъ, а только какъ си-

стема взаимодействующихъ единицъ. Последняя глава перваго тома посвящена разсмотрѣнію космическихъ, биологическихъ и социальнo-психическихъ (sic!) факторовъ возникновенія, сохраненія и исчезновенія простыхъ коллективныхъ единствъ.

Во второмъ томѣ устанавливаются понятія 1) простого коллективнаго единства, какъ совокупности лицъ, объединенныхъ въ одно взаимодействующее цѣлое какимъ-либо однимъ признакомъ, не сводимымъ на другіе признаки; 2) кумулятивнаго единства, какъ такой же совокупности лицъ, связанныхъ двумя и болѣе сходными элементарными признаками, и 3) сложнаго социальнаго агрегата, какъ совокупности лицъ, заключающей въ себѣ два или большее число различныхъ элементарныхъ коллективныхъ единствъ, или два или большее число различныхъ кумулятивныхъ группъ, или и элементарныя и кумулятивныя единства (Т. II, стр. 58, 59). Исходя изъ этихъ схемъ и понятій, Сорокинъ пытается «распластать» населеніе на его естественные слои. При этомъ приматъ единаго общества или государства исчезаетъ у автора вопреки господствующему ученію въ социологіи и государственномъ правѣ. Страницы, посвященныя критикѣ современнаго государствовѣдѣнія, рѣзки по тону, но интересны по существу. Элементарныя группы, на

которыя разслаивается современное населеніе культурныхъ странъ, подраздѣляются авторомъ на 1) расовую, 2) половую, 3) возрастную, 4) по семейной принадлежности, 5) по государственной принадлежности, 6) языковую, 7) профессиональную, 8) имущественную, 9) объемно-правовую, 10) территориальную, 11) религиозную, 12) партійную, 13) психо-идеологическую (sic! — стр. 76, Т. II.) Пестроту эту авторъ объясняетъ тѣмъ, что единственнѣмъ основаніемъ подраздѣленія служить здѣсь принципъ элементарности. Национальность и классъ, критическому разсмотрѣнію которыхъ Сорокинъ посвящаетъ особые параграфы, по содержанію весьма интересные, относятся по автору къ кумулятивнымъ группамъ.

Остаиваясь на характерѣ кумуляціи, Сорокинъ очень удачно сравниваетъ социологическое средство нѣкоторыхъ элементарныхъ группъ съ химическимъ средствомъ элементовъ. Но, справедливо борясь противъ социологической алхиміи нашихъ дней, авторъ не указываетъ ни пропорцій, въ которыхъ происходятъ кумуляціи, ни причинъ средства. Поэтому перечисленіе отдѣльныхъ элементовъ кумулятивныхъ группъ — такъ, напр., национальность террит. + языковой + государственныя признаки — подвергается опасности стать чисто номенклатурнымъ.

Сорокинъ пытается дать собственную анатомо-морфологическую систематику сложных социальных агрегатовъ (стр. 338 Т. II). Замѣтимъ, однако, по поводу сорокинской систематики, что она была бы неотвратимо-убѣдительною лишь тогда, если самое раздѣленіе на кумулятивные группы, — классъ, націю и т. д., — основывалось бы на столь же явныхъ признакахъ, на какихъ опирается морфология ботаники или зоологии. Но путь социальной аналитики указанъ Сорокинымъ, на нашъ взглядъ, правильно.

Мы и въ малой долѣ не исчерпали богатаго содержанія книгъ Сорокина, свидѣтельствующихъ своими примѣчаніями объ обширѣйшей пачитанности автора. Скажемъ только, что въ известномъ смыслѣ онѣ составляютъ событіе въ современномъ русскомъ общественно-вѣдѣніи. Опять советской Россіи косвенно показали слабость общественно-вѣдѣнія: до сихъ поръ неизвѣстны элементы или матеріалы того, что мы называемъ об-

ществомъ, ни сопротивление этихъ матеріаловъ. Въ атмосферѣ «голода, тифа и произвола», въ обстановкѣ большевистскаго опыта, о которомъ, кстати, авторъ смѣло и рѣзко отзывается въ своихъ книгахъ, у русскихъ общественно-вѣдѣнцевъ рождается мысль создать безспорную объективную социологию. П. Сорокинъ первый русскій социологъ, который, вобравъ въ себя всю современную, въ особеннети англо-саксонскую социологию, пытается освободить эту науку отъ всякихъ политическихъ и этическихъ предпосылокъ и «измовъ». Въ настоящій моментъ, задолго до окончанія всего объемаго труда Сорокина, трудно дать надлежащую оцѣнку даже и вышедшихъ двухъ томовъ. Но, несмотря на тотъ описательный формализмъ, который свойственъ этой, скажемъ, «общественно-безпредпосылочной» социологии, она все же даетъ солидное основаніе помысламъ работникамъ на нивѣ общественно-вѣдѣнія и поэтому заслуживаетъ и признанія, и рас пространенія.

Проф. М. Лазерсонъ.

Рабиндранатъ Тагоръ. Націонализмъ. (Переводъ съ англ. Шкляверъ. Изд. С. Ефронъ, Берлинъ.

Подъ этимъ заглавіемъ здѣсь собраны три статьи Рабиндранатъ Тагора: «Націонализмъ на Западѣ», «Націонализмъ въ

Японіи», «Націонализмъ въ Индіи» и небольшая поэма — «Закать столѣтія».

Основная идея Тагора — про-